

Цзюнь Янь обладал воспоминаниями из прошлой жизни и знал, что в Летнем дворце должно было произойти одно событие. В этой жизни он не был уверен, повторится ли оно снова.

В прошлой жизни Люшэнь не погибла, а Жун Ци не стал жертвой интриг. Он по-прежнему держал в руках важные рычаги власти и не позволил Цзюнь Кэ и Цзюнь Лину укрепить свои позиции при дворе. Тогда не появилась Юэ Чжи, и Люшэнь естественным образом вошла в императорский гарем. Однако в этой жизни всё изменилось, и он не знал, произойдут ли события прошлой жизни снова.

— О чём ты думаешь? — Жун Цин расставил на столе арбуз, нарезанный слугами.

Цзюнь Янь, наблюдая, как Жун Цин аккуратно вставляет палочки в кусочки арбуза, улыбнулся:

— Думаю о Цин-цин, о том, какой ты заботливый.

Жун Цин покраснел:

— Ты снова подшучиваешь надо мной.

— Почему ты всегда так стесняешься? Мы ведь уже так близки.

Цзюнь Янь, видя, как лицо Жун Цина снова заливается румянцем, захотел обнять его. Его законный супруг был таким милым.

— Это ты ведёшь себя неподобающе, — с досадой ответил Жун Цин.

Цзюнь Янь, заметив, что Жун Цин снова начинает сердиться, сразу же остановился.

— Не сердись, дорогой. Вот, съешь кусочек арбуза, — сказал он, поднося кусок арбуза ко рту Жун Цина. — Давай, открой рот.

Жун Цин открыл рот и откусил кусочек арбуза. Охлаждённый арбуз, попав в рот, постепенно успокоил его раздражение.

— Ты тоже ешь, — сказал Жун Цин, хотя и был слегка раздражён несерьёзностью Цзюнь Яня, но не всерьёз.

— Покорми меня, — Цзюнь Янь открыл рот, ожидая, пока Жун Цин накормит его.

Возможно, из-за того, что это случалось уже не раз, Жун Цин не чувствовал особого стыда и спокойно поднёс кусочек арбуза ко рту Цзюнь Яня.

— Очень сладко, — Цзюнь Янь улыбнулся ещё шире.

Жун Цин взял ещё один кусочек и поднёс его ко рту Цзюнь Яня:

— Тогда съешь ещё один.

...

Цзюнь Янь хотел подразнить Жун Цина, но не ожидал, что тот не только не смутится, но и спокойно накормит его ещё раз.

— Ты хочешь ещё? — спросил Жун Цин, видя, что Цзюнь Янь закончил есть, и снова потянулся за кусочком арбуза.

— Ты ешь! — Арбуз в их краях почти не выращивали, его доставляли в Императорский город и сначала подавали императорской семье. Обычные люди даже не могли его попробовать, не говоря уже об охлаждённом арбузе, который был ещё более редким. Поэтому Цзюнь Янь не хотел съесть всё сам.

— Хорошо, — Жун Цин послушно доел свой кусочек арбуза.

...

Цзян Е обмахивался веером, чтобы охладиться, и незаметно дошёл до Западного двора.

Слуги Западного двора, увидев его, почтительно поклонились:

— Здравствуйте, господин Цзян.

Цзян Е кивнул и, подойдя к беседке у озера, увидел Цин И, который размахивал рукавами, исполняя оперу.

— И жэнь...

Цин И собирался повернуться, но увидел Цзян Е, стоящего за пределами беседки и обмахивающегося веером.

Мелодия внезапно оборвалась. Цин И на мгновение замер, а затем улыбнулся:

— Господин Цзян, вы пришли.

Цзян Е был ослеплён этой улыбкой и на мгновение забыл ответить.

— Господин Цзян, господин Цзян...

Цин И подошёл к Цзян Е на три шага и снова позвал его.

— Что случилось? — Цзян Е очнулся и увидел лёгкий макияж на лице Цин И, который делал его и без того женственное лицо ещё более соблазнительным.

Цин И, видя, что Цзян Е застыл, не удержался и рассмеялся:

— Господин Цзян пришёл послушать, как я пою?

Цзян Е, слыша, как он снова заводит речь об опере, невольно нахмурился:

— Почему ты думаешь, что я пришёл только ради этого?

Цин И, услышав его слова, слегка удивился:

— Разве господину Цзян не нравится, как я пою?

— Скажу прямо, — Цзян Е не был человеком, который скрывает свои мысли, и хотел всё объяснить сразу. — Мне просто нравится твой голос, поэтому я хочу слушать его чаще.

— Я неправильно понял, прошу прощения, — Цин И слегка испугался, опустив голову.

Цзян Е, видя, как Цин И унижается, почувствовал дискомфорт, словно что-то сдавило его сердце.

— Я не хочу тебя упрекать, — сказал Цзян Е, пытаясь успокоить его.

Цин И снова поклонился:

— Спасибо за понимание.

Цзян Е было неприятно видеть, как Цин И держится так отстранённо и почтительно.

— Не унижай себя так.

— Но я рождён в низком сословии, и это моя судьба. Господин должен это понимать лучше всех, — произнёс Цин И почти без эмоций.

Цзян Е не знал, что сказать. Ему было всё равно, насколько низким было положение других, но он просто... просто не хотел видеть Цин И таким униженным.

— Господин хочет услышать историю? — Цин И, кажется, слегка вздохнул.

— Конечно, — Цзян Е интересовался прошлым Цин И, но никогда не решался спросить об этом напрямую. Теперь, когда тот сам заговорил, Цзян Е не мог упустить эту возможность.

— Тогда прошу войти и сесть, — Цин И слегка отступил в сторону, давая Цзян Е пройти первым.

Цзян Е не стал отказываться, шагнул вперёд и сел за каменный стол в беседке. Цин И последовал за ним.

— Эта история может быть длинной. Если господин устанет слушать, можно прервать меня.

Цзян Е кивнул, показывая, что понял.

— Я не знаю, откуда я родом, и не знаю своих родителей. Все мои воспоминания начинаются в театре моего учителя...

— Учитель, мне тоже нужно тренировать голос, как они? — спросил четырёхлетний Цин И.

— Когда наступит весна, ты начнёшь тренироваться. Это основа, — старик Жун ласково погладил голову Цин И и с улыбкой ответил на его вопрос.

— А когда я научусь, я тоже смогу выступать на большой сцене, как брат Чэн?

— Конечно, так что старайся, Цин И! — Тогда старик Жун, улыбаясь, подбадривал его, и этот образ стал тенью, преследовавшей его впоследствии.

Когда Цин И исполнилось десять лет, он уже мог самостоятельно исполнить сложный отрывок из оперы.

Позже старик Жун сказал ему, что он может выступить в качестве гостя, и Цин И был невероятно счастлив. Он усердно тренировался каждый день, чтобы сыграть свою роль.

Накануне выступления он хотел рассказать об этом брату Чэну, чтобы тот увидел, что Цин И

тоже может быть хорошим и не подвести его ожидания.

Но когда он открыл дверь в комнату брата Чэна, то увидел нечто, во что не мог поверить...

Его уважаемый брат Чэн лежал на кровати в объятиях высокого мужчины, а его руки и ноги были связаны красной верёвкой, и мужчина делал с ним всё, что хотел.

Мужчина, услышав звук открывающейся двери, повернул голову и посмотрел на Цин И.

— Цин И, не смотри, уходи! — Крик брата Чэна вернул Цин И к реальности.

Когда он снова взглянул на происходящее, мужчина уже смотрел на него и улыбался:

— Откуда такой милый мальчик? Подойди-ка сюда, дай мне взглянуть.

Цин И с отвращением слушал насмешки мужчины, а его брат Чэн глазами умолял его уйти.

Сжав кулаки, Цин И сжал зубы, развернулся и побежал прочь. Он хотел рассказать учителю, чтобы тот спас брата Чэна.

Но он не ожидал, что, когда он нашёл учителя и рассказал ему о произошедшем, лицо учителя изменилось.

— Ты всё видел?

Цин И, не понимая, кивнул. Учитель отвёл его в свою комнату и с улыбкой начал уговаривать:

— Не говори никому об этом. Это наказание для них. Если ты будешь стараться и не ошибаться, я не буду так наказывать тебя. Ты же знаешь, что я больше всего люблю тебя.

— Но брат Чэн... — Цин И просто хотел, чтобы учитель спас брата Чэна.

— Он должен быть наказан, не вмешивайся в это дело. Завтра я верну тебе брата Чэна целым и невредимым, хорошо?

Маленький Цин И поверил словам учителя и позволил себя обмануть.

Но он не мог представить, что на следующий день пришла весть о самоубийстве брата Чэна.

Он долго горевал, пропустив много тренировок.

Учитель несколько дней учил его, и только после того, как он пообещал устроить брату Чэну достойные похороны, Цин И послушался.

[Автор имеет что сказать: В Летнем дворце я в основном хочу развить отношения между Цзян Е и Цин И, поэтому, возможно, буду писать о них больше. Если кому-то это не нравится, приношу свои извинения.]